

Саша НЕМИРОВСКИЙ

ШВЕЙЦАРСКАЯ ОТКРЫТКА

Циферблаты озер
Как текущее время Дали.
Секундная стрелка соборного шпиля под вечностью гор.
Корабли.
Их снастей перебор
У причала
Переходит в тумана простор,
Разрезаемый замком, где плечами
Две башни
И над левой вдали —
«Маттерхорн»
Сквозь альпийские кряжи.

Разговор
На немецком прохожих спотыкается в русский.
Туристы с востока, на швейцарском курорте.
Как будто опять девятнадцатый век.
Только блузка
По моде. Открытые ножки, и на отвороте
Сапожек чуть стёрто.
Да солнце замедлило бег.

Водопады из рек
Сходят в озеро возле отеля.
Здание в стиле прошедшей эпохи.
Бухта. Плёс.
Ледники набегают волной по прозрачной воде.
Силуэт Вильяма Теля —
Памятник у новостройки.
Белый лебедь скользит, и балетною пачкою хвост.
Па-де-де.

И конечно, симфония просится
В нотную запись. Подыграть этой птице-царевне.
Мелодию снега и тему крыла.
В вышине гнутся горы колосьями.
Дует время сквозь щербатые гребни.
А про всё остальное история соврала.

Саша Немировский (Александр Немировский) — поэт, писатель, хай-тех-антрепренер, гражданин мира. Родился в 1963 году в Москве. Считается основоположником поэтического стиля «джаз-поэзия». Автор пяти книг стихов и прозы и многочисленных публикаций в изданиях США, Германии, Финляндии, России. Член Санкт-Петербургского Союза писателей (иностранный отделение).

БОТАНИКА

Калифорния – как ботанический сад.
Весь двор похож на отряд,
Набранный из разных широт.
Тут растет алыча из вяза, а в рот
Попадает яблоко. Птицы клюют черешню.
Наоборот,
В январе плодоносит вдруг апельсин.
И конечно,
Из известных лесин –
Красное дерево, эвкалипты, сосны.
Но нет осин,
Лиственниц и остального, что не выносит солнца.

Но я прижился. Одеревенение
Происходит почти органически. Ему сопутствуют
Редкие приступы вдохновения,
Но больше помогает его отсутствие.

Только деревья чуть примиряют со временем.
Для секвойи тысяча лет – обычное дело.
Многие много старше.
А мы, кратко живущие, как умеем,
Набиваем свежую память строчками на бумагу.
Иногда раскрашиваем
И так потом оставляем.
Внаглуую.
Потому что не можем жить в рамках предела.

Да здесь прорастает все. Лишь бы была вода.
Так человеку удастся какая-нибудь карьера,
Едва найдется работодатель труда,
Тогда все равно, что делать –
долбить ли стену карьера
Или мелом
Писать на доске, повернувшись спиной к классу.
Года
Собираются в плотную массу
И сливаются в конце концов просто в один.

Существуя, плодонось
В этой древесной толпе,
Медленно распускаясь цветком седин,
Иногда хочется мерзнуть в краю осин
И бежать по тайге, ничего дождям не простя.

ОТРАЖЕНИЕ ПИСЬМА

В эпоху электронной почты
Странно чернильной ручкой прожимать бумагу.
Мысли путаются за почерк.
Слово не заменишь без того, чтобы не зачеркнуть.
Я приветствую тебя из теплой калифорнийской ночи,
Прекратив работу, отвинтив заветную флягу
Скотча
И разбирая прошлое — что там к чему.

Отказы памяти еще не переходят в бессилье тела,
Но время – это количество изменений,
И их не счесть.
Смутно представляя черты лица,
Я чётко помню, ты часто ела
На завтрак яйца,
Почему-то разбивая их с тупого конца.
Я же, когда приходилось, заходил с острого.
Предпочитая разрубать ситуацию,
Нежели ее решать.
Потом мы мирились. То есть просто
Я уступал, чтобы снова начать дышать.

Мы громыхали гитарой, запивая звук джином с тоником.
В томике
Любимых стихов залапывали страницы,
Цитируя без повода или предлога,
Когда всё остальное вызывало зевоту.
А теперь разве что стальная рыба «боинга»
Прошумит над крышей, а так в основном птицы,
Берущие высокую чистую ноту
По утрам, пока еще не случилось ничего плохого.

Нас давно разнесло на диаметр шарика.
Шайка
Распалась. Ты выбрала терпеть ревматизм севера.
Я же предпочёл цвета юга, жару и зелень.
Мы остались в слайдах на стареньком
Проекторе в полинявших красках, со сбитым фокусом.

В канители
Лет операционную систему сервера,
Общую для двоих найти, – как остановить движение -
Невозможно. Мы были слишком близки.
Ты обнимаешь незнакомых друзей,
Я, для поднятия тонуса,
Читаю, хожу в музей
И употребляю виски.
Но забывается лишь таблица умножения.

Мне проще писать, чем бояться разочарования встречи.
Непроверенный номер в моем мобильнике останется не нажатым.
Время глушит и притупляет. Ничуть не лечит.
А жаль,
Легче бы не испытывать ненависть и обожание.

СЛЕДЫ

Я научусь читать слова святой земли —
Вот дерево, проросшее сквозь камень.
Котенок, копошащийся в пыли,
Над ним, в велосипедной раме,
Перебирает смуглыми ногами
На бизнес наостренный бедуин.
Так, что рука моя спешит в кармане
Потрогать кошелек.
Иерусалим
Шумит вокруг и равно безразличен
К прохожему или к пророку.
Вниз глядя, с высоты веков – они похожи,
Но кто же
Сумеет посмотреть на это сбоку?

Так неприлично,
Маскируясь под чужую душу,
Я, прикрываясь то кипой, то шляпой,
Шагаю за молящимся и трушу,
Что не смогу, не подчинюсь порогу,
Перешагну. Что клапан
Времени, выпускающий туда,
Уже не выпустит обратно,
Что как бы ни хотелось на попятный,
Уже не смочь.
Людская человечества руда
Так переходит в дух, в молитву и в отвалы прочь.
Так в ней встречаются слова – святые пятна.

В ТЕНИ КАМНЕЙ

В памяти горит свет.
Закат, отражённый от белого камня.
Холмы. Их линия медленно сходит на нет
У горизонта. Город, натянутый на подрамник
Времени. История, резонирующая прямо в кровь.
Да, я уже бывал здесь и господином, и смердом.
Я – частица этих склонённых голов,
Что под открытым небом

Строят берега добра
Размером и ритмом
Своей молитвы.
Паломники. Кошки. Детвора.
Пустынных улиц стоптанные плиты.

Я снова здесь, как раньше, и не так.
Хозяин, заскочивший в гости. Просто
Придавлен памятью. В ней старый лапсердак
Никак
Не подгоняется по росту.
Я к плёсу
Площади у Западной стены
Вдруг выброшен без всякого нажима.
Я – нерождённый сын моей страны –
Иерусалима.

Теперь ведом невидимым лучом
Сквозь трещины за каменную кладку.
Туда, где был и не был я ещё,
К началу, что в сухом остатке,
Не изменилось.
Можно, возвратясь,
Найти свой камень, чтобы, прислонясь,
Почувствовать себя среди народа,
Когда сквозь арку незаложенных ворот
Взгляд видит чётко сущность небосвода,
Как связь времён, а не наоборот.

Как блоки стен надеты на линейку –
Лежат века. Но их не охвачу.
Я город пробегаю по лучу.
За башни, переулком, по ступенькам.
Я здесь молился, жил.
Теперь молчу.

THE 49-er (СОРОКАДЕВЯТНИК)

Золотоискательский городок,
Застроенный офисами хай-тека.
Отрог
Горь. Паркинг.
Электромобиль мордой у перевязи –
Кормится через провод.
Арка.
Старенькая библиотека,
Подающая повод
Вспомнить о книгах как способе связи
С первобытной культурой ушедшего века.

Старатель, не ведающий одиночества,
Ковыряет айфон –
Но переходит к компьютеру,
Когда становится нестерпимо.
На экране, как фон,
Бежит незакрытый чат.
Равнодушный к почерку,
Он стучит пальцами.
Слушать мутрно,
Как строчат.

Пилигримы
Из туристов-скитальцев
Чирикают фотки
Викторианских зданий
На фоне вывесок мировых фирм.
Залив. Порт. Высотки.
Боевик-фильм.

Герой. Конечно же, герой-одиночка.
Благородный, непобедимый.
Где-то это уже было.
Сюжет, убедительно
Проходящий через точку
Невозврата
Из азарта
Погони за золотой жилой.

ДОН ХУАН

Я смотрю на девчонок взглядом патриарха.
Вот эта, пожалуй, подойдет моему внуку.
Бёдра, фигура, одежда – чуть-чуть неряха.
Впрочем, это поправимо, я давно набил себе в этом руку.
Мой зайчонок.
Он тоже не ахти какое сокровище –
В таких передрягах, что лучше бы и не попадать.
А девчонка хороша. Стоящая.
Так и хочется сбросить лет двадцать пять.
Я ведь «еще да».
«Папик» вполне на выданье.
Было же приключение год назад в Ницце?
Тоже точеные ножки. Талия.
Приторно.
Так и не удалось измениться.
Лица.
А сколько их было?
Цифры – утешение для слабого тела.

А, занервничала. Чувствует мой взгляд.
Обернулась. Нет, не видит. Еще бы!
С моим-то рылом
Куда тут в калашный ряд –
Скорей, в чащобу.
Кажись, стоит без дела.
Ан нет, телефон зажат.
Кавалера
Ждёт? Или, может, подруг?
Каблучки высокие, туфельки чуть дрожат,
Как рифмуются.
А вот и он, переходит улицу.
Узнаю походку – ну точно, мой внук!